

Научная статья

УДК 343.14

EDN GZDIMH

DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.85-96

Ходатайство как основное процессуальное средство защиты по уголовному делу: проблемы правоприменения

К.А. Харашкин

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация, kir-harashkin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ходатайства как ключевого процессуального средства защиты в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Автор рассматривает правовую природу ходатайств, заявляемых защитником в уголовном процессе, их значение для реализации права на защиту и проблемы, возникающие при их рассмотрении властными субъектами. На основе анализа нормативных положений УПК РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и примеров из судебной практики обосновывается вывод о необходимости соблюдения баланса между интересами правосудия и правами подозреваемых и обвиняемых. Особое внимание уделяется обязанности органов уголовного преследования и суда рассматривать по существу и мотивированно отвечать на доводы стороны защиты в соответствии с принципом презумпции невиновности. Автор приходит к выводу о недостаточности существующих механизмов обеспечения права на защиту в досудебном производстве и необходимости поиска эффективных законодательных и организационно-правовых решений выявленных проблем.

Ключевые слова: ходатайство, уголовный процесс, право на защиту, презумпция невиновности, доводы защиты, бремя доказывания, адвокатская деятельность, процессуальные гарантии.

Для цитирования: Харашкин К.А. Ходатайство как основное процессуальное средство защиты по уголовному делу: проблемы правоприменения / Харашкин К.А. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.3.85-96. — EDN GZDIMH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 3. — С. 85–96.

Original article

Petition as the Main Procedural Means of Defense in Criminal Cases: Law Enforcement Issues

K.A. Kharashkin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation,
kir-harashkin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes petitions as a key procedural means of defense in criminal proceedings in the Russian Federation. The author examines the legal nature of petitions filed by defense counsel in criminal proceedings, their importance for the implementation of the right to defense, and problems arising during their consideration by authorities. Based on the analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legal positions of the Constitutional Court, and examples from judicial practice, the author substantiates the conclusion about the need to maintain a balance between the interests of justice and the rights of suspects and defendants. Special attention is paid to the obligation of

law enforcement agencies and courts to consider cases on their merits and provide well-reasoned responses to the arguments of the defense in accordance with the principle of the presumption of innocence. The author concludes that the existing mechanisms for ensuring the right to defense in pre-trial proceedings are insufficient and that effective legislative and organizational-legal solutions to the identified problems need to be found.

Keywords: petition, criminal procedure, right to defense, presumption of innocence, defense arguments, burden of proof, advocacy work, procedural guarantees.

For citation: Kharashkin K.A. Petition as the Main Procedural Means of Defense in Criminal Cases: Law Enforcement Issues. *Sibirskie Ugolovno-Procesual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya* = *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 3, pp. 85–96. (In Russian). EDN: GZDIMH. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.3.85-96.

Основное содержание деятельности таких субъектов стороны защиты как подозреваемый, обвиняемый и их защитник составляют действия по защите и реализации прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого), которые осуществляются главным образом посредством участия в процессе доказывания по уголовному делу путем заявления различного рода ходатайств, предъявления и оспаривания доказательств, обжалования уголовно-процессуальных решений.

Уголовно-процессуальный закон, определяя в качестве назначения уголовного судопроизводства защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), поставил частный законный интерес конкретного обвиняемого, подозреваемого под защиту государства. При этом законодатель не только наделил сторону защиты (ст. 46, 47, 49, 244 УПК РФ и др.) широким спектром процессуальных прав для отстаивания своих законных интересов, позволив субъектам стороны защиты активно участвовать как в расследовании уголовного дела, так и в рассмотрении его судом, но и возложил на государственные органы и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, обязанность охранять в процессе уголовного

судопроизводства права и свободы человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) и обеспечивать право обвиняемого (подозреваемого) на защиту (ст. 16 УПК РФ), возведя данные требования в ранг принципов уголовного процесса, имеющих конституционно-правовую основу (ст. 46 Конституции РФ).

Таким образом, устремления стороны защиты в той части, в которой они направлены на предотвращение уголовного преследования и привлечения к уголовной ответственности нечастного к совершенному деянию или невиновного лица либо на выявление оснований для освобождения виновного от уголовной ответственности или смягчения меры ответственности и наказания, отвечают публичным интересам, поставленным под защиту уголовно-процессуального закона и согласуются с задачами властных субъектов уголовного судопроизводства. Такая защитительная деятельность способствует предотвращению уголовной ответственности невиновного лица [1, с. 55], а значит и отвечает назначению уголовного судопроизводства.

Следует согласиться с суждением Н.И. Капинуса, полагающего, что между гарантиями прав личности и гарантиями правосудия существует определенная взаимосвязь. Обеспечение интересов личности не должно разрушать

возможности защиты общественного интереса и, наоборот, защита общественного интереса не должна препятствовать правовой возможности защиты частного интереса. Соотношение гарантии прав личности и правосудия должно быть ориентировано на учет баланса интересов субъектов уголовного процесса, позволяющих достигнуть его цели [2, с. 116].

Между тем в практической деятельности властных субъектов уголовного процесса: следователей, дознавателей, прокуроров, их вышестоящих руководителей, да и судей — по различным причинам наблюдаются повсеместные существенные отступления от указанных выше принципиальных правовых предписаний, что порождает ряд серьёзных правоприменительных проблем отечественного уголовного судопроизводства. Результаты проведенного нами исследования методами наблюдения, обобщения и формально-юридического анализа позволяют осветить в данной статье данные проблемы на примере формирования защитником доводов, приводимых в пользу подзащитного и выражаемых, как правило в соответствующих ходатайствах.

В этой связи, необходимо отметить, что основным процессуальным средством защиты интересов обвиняемого (подозреваемого) наравне с жалобой является ходатайство, обращенное к властному субъекту, осуществляемому производство по уголовному делу на конкретном этапе судопроизводства. Такое право — заявлять всевозможные ходатайства — принадлежит как защитнику (п. 8 ч.1 ст. 53 УПК РФ), так и самому подозреваемому, обвиняемому (п. 5 ч. 4 ст. 46 и п. 5 ч. 4 ст. 47 УПК РФ соответственно). Надо признать, что заявление ходатайств, и прежде всего ходатайств о приобще-

нии к делу письменных или иных вещественных доказательств и документов, о проведении следственных действий, об ознакомлении с имеющимися доказательствами (например, с заключением проведенной по делу судебно-медицинской экспертизы), — является главным процессуальным средством защитника-адвоката на стадии предварительного расследования.

Используя данное право, защитник получает потенциальную возможность отстаивать интересы своего подзащитного, поддерживать и доказывать выдвинутую им версию, воздействовать таким образом на формирование доказательственной базы и в конечном итоге на результаты расследования дела, добиваться принятия желанных для стороны защиты процессуальных решений. Указанному праву коррелирует обязанность следователя, дознавателя, суда в установленные сроки рассмотреть ходатайство и принять по нему процессуальное решение (ст. 119–122, 159 УПК РФ). При этом закон не допускает отказ стороне защиты в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, в приобщении к материалам дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела (ч. 2 и ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ). Иначе говоря, обоснованные ходатайства защитника, в которых содержатся конкретные доводы, указывающие на подлежащие доказыванию по делу обстоятельства, которые могут быть установлены (проверены) посредством предлагаемых доказательств либо следственных действий, направленных на их получение, не могут игнорироваться и подлежат удовлетворению.

Как отмечает Л.А. Воскобитова, заявления и ходатайства защитника позволяют увидеть не только процесс осуществления защиты, но и отношение органов обвинения к познавательной деятельности защиты [3, с. 115], и следственная практика изобилует многочисленными случаями безосновательного отклонения подобных ходатайств защитника либо откровенного их игнорирования, т.е. оставления без какого-либо решения. При этом должностные лица органов расследования взяли за правило не отвечать на доводы защитника, а вопреки требованиям ст. 159 УПК РФ ссылаться на п. 3 ч. 2 ст. 38 или п. 1 ч. 3 ст. 42 УПК РФ, предоставляющие соответственно следователю и дознавателю самостоятельно направлять хода расследования и принимать решения о производстве следственных действий. Даная позиция, получившая широкое распространение на практике, к сожалению, находит поддержку у должностных лиц (руководителей судебных органов, начальников подразделений органов дознания, прокуроров), на которых возложены контрольно-надзорные полномочия по обеспечению законности досудебного производства и соблюдения прав участников производства по делу и которые зачастую не реагируют на обоснованные жалобы стороны защиты на нарушение ее процессуальных прав.

Между тем, при сопоставлении положений ст. 38, 41 и ст. 159 УПК РФ во взаимосвязи с общими, принципиальными положениями уголовно-процессуального права, закрепленными в гл. 2 УПК РФ, приходим к однозначному выводу, что прерогатива следователя (дознателя) самостоятельно направлять ход расследования и решать вопросы по собиранию и проверке доказательств не абсолютна, а ограничена возложенными на них обязанностями,

во-первых, соблюдать и обеспечивать права и свободы участников судопроизводства, в том числе процессуальные права субъектов стороны защиты, защищать эти права наравне с защитой публичного интереса по установлению и уголовному преследованию лица, совершившего общественно-опасное деяние; а во-вторых, обеспечить полное, объективное и всестороннее расследование уголовного дела.

Последняя обязанность логически вытекает из положений ст. 73 УПК РФ, обязывающих выявлять как уличающие подозреваемого (обвиняемого), так и оправдывающие его обстоятельства, как отягчающие наказание обстоятельства, так и обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности или смягчающие наказание, а также из основополагающего начала уголовного процесса — принципа презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ). Российская процессуальная доктрина не имеет разночтений на этот счет.

В развитие этой позиции И.Б. Михайловская обоснованно указывала: «Реализация обязанности доказывания, возложенной на сторону обвинения, предполагает положительное установление обстоятельств инкриминируемого обвиняемому деяния. А поскольку положительное установление какого-либо факта невозможно без исключения любых иных вариантов события прошлого, то и обязанность доказывания виновности обвиняемого включает в себя и обязанность органов расследования собирать и исследовать все доказательства, опровергающие версию обвиняемого» [4, с. 143]. И.Ю. Мурашкин считает, что обязанность сбора доказательств невиновности лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, представителями стороны обвинения по уголовным де-

лам — это объективная необходимость, целью которого является достижение такого назначения уголовного судопроизводства, как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ [5, с. 28]. Лазарева В.А. также утверждает, что «опровержение доводов защиты составляет неотъемлемую часть обязанности доказать виновность лица в совершении преступления» [6, с. 156]. По мнению Смирнова А.В. и Калиновского К.Б., «всестороннее исследование обстоятельств дела является безусловной обязанностью органов уголовного преследования и суда» [7, с. 233].

Правовая состоятельность закрепившегося в теории уголовного процесса подхода подтверждается и позициями Конституционного Суда РФ, который последовательно утверждает, что дознаватель, следователь и прокурор, осуществляя доказывание, обязаны принимать в установленных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность преследуемого лица¹, а отсутствие аргументов стороны защиты в перечне обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ, вовсе не освобождает сторону обвинения от их опровержения при доказывании виновности², при этом

обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения³.

Следует отметить, что действующий УПК РФ, в отличие от своего предшественника, не содержит прямого нормативного закрепления обязанности следователя осуществлять всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела. Данный законодательный пробел создает определенные трудности в интерпретации функционального назначения процессуальной деятельности следователя, как было отмечено ранее. Однако, как справедливо подчеркивает профессор Л.А. Воскобитова, «умеющий читать и мыслить легко найдет в законе эти требования» [8, с. 456].

Таким образом, принятие процессуального решения по ходатайству защитника должно зависеть исключительно от обоснованности доводов, убедительности аргументов, которыми сопровождается обращенная к органу предварительного расследования просьба защитника о приобщении к делу доказательства или проведению следственного действия в целях установления (проверки) имеющих значение для дела обстоятельств.

Что следует понимать под доводом в исследуемом аспекте? Упоминание

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 дек. 2008 г. № 1080-О-П «По жалобе гражданина Киселя Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 61 и 62 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2025).

² Определение Конституционного Суда РФ от 27 янв. 2011 № 118-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Силантьева Василия Вадимовича и Чупрова Юрия Борисови-

ча на нарушение их конституционных прав статьями 6, 14, 73 — 75 и 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 17 и статьей 60 Уголовного кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2025).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2025).

о доводах можно обнаружить в ч. 2 ст. 14, ч. 3 ст. 235, ч. 5 ст. 321, п. 4 ч. 1 ст. 363, ч. 3, 5 ст. 377, п. 3 ч. 2 ст. 404, ч. 1 ст. 410 УПК РФ. Термин «довод», прежде всего, отражает специфику судебного доказывания в условиях устного состязательного процесса, но кроме этого, в условиях предварительного расследования уголовного дела, когда защитник фактически лишен возможности на равных представлять доказательства, довод, облеченный в форму процессуального ходатайства или жалобы становится его основным «оружием» в споре со стороной обвинения.

Современный российский уголовный процесс, несмотря на конституционное закрепление принципа состязательности, характеризуется выраженным структурным неравенством возможностей сторон обвинения и защиты. Это неравенство проявляется в нескольких ключевых аспектах: институциональном доминировании обвинительной власти, представленной государственными органами с соответствующими административными и техническими ресурсами; монополии стороны обвинения на формирование доказательственной базы при декларативном характере права защиты собирать доказательства; информационной асимметрии, когда доступ защиты к материалам дела существенно ограничен на протяжении большей части расследования; процедурной зависимости реализации прав защиты от дискреционных полномочий противостоящей стороны; а также в различной правовой природе процессуальных прав участников, когда для обвинения они выступают одновременно служебными обязанностями, а для защиты носят факкультативный характер.

Следует согласиться С.А. Соловьевым, что сторона обвинения получает

серьезные преимущества еще до поступления дела в суд, а ее представители в лице следователя (дознателя) имеют фактически ничем не ограниченную дискрецию в отношении ходатайств, заявлений и жалоб участников стороны защиты, что часто приводит к необоснованным отказам в ходатайствах о приобщении доказательств и о признании доказательств недопустимым к применению мер процессуального принуждения без достаточных доказательств [9, с. 5].

Хотя достижение абсолютного равенства сторон в уголовном процессе объективно невозможно, создание справедливого баланса процессуальных возможностей требует комплексного подхода, включающего как совершенствование нормативной базы, так и трансформацию правоприменительной практики. Важнейшим компенсаторным механизмом в этом контексте выступает распределение бремени доказывания, согласно которому именно на обвинение возлагается обязанность не только доказать все элементы состава преступления, но и опровергнуть все разумные доводы защиты. Данный принцип, нашедший отражение в презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), устанавливает, что неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого, а бремя их устранения лежит на стороне обвинения. Таким образом, требование опровержения доводов защиты выступает существенным процессуальным противовесом институциональному превосходству обвинительной власти, обязывая следствие и прокуратуру не только выстраивать обвинительную версию, но и тщательно исследовать все аргументы, свидетельствующие в пользу невиновности или меньшей степени виновности подсудимого. Последовательная реализация данного принципа в совокупности с развитием в российском уголовном

процессе института *favor defensionis* (благоприятствования защите) способна существенно смягчить негативные последствия структурного неравенства сторон, снизить риск судебных ошибок и тем самым укрепить легитимность правосудия в общественном сознании, во всяком случае так задумывалось законодателем. О том, что презумпция невиновности снимает бремя доказывания со слабой по своим реальным возможностям стороны защиты и возлагает фактически более сильную сторону уголовного преследования (обвинения) и цель ее состоит в обеспечении состязательности и равенства сторон упоминает также А.В. Смирнов [10, с. 81]. Чеботарева И.Н. констатируя процессуальное неравенство сторон обвинения и защиты высказывается о необходимости уравнивания их позиций путем развития в уголовном процессе элементов благоприятствования защите [11, с. 515]. С.А. Храмов, А.А. Лавров, О. В. Логачев предлагают введение механизмов контроля и ответственности за недостаточную проверку аргументов защиты и уклонение от учета их позиции может содействовать соблюдению принципа состязательности [12, с. 5].

Как уже отмечено, органы предварительного расследования зачастую игнорируют бремя опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, что приводит к односторонности и неполноте установления юридически значимых для разрешения дела обстоятельств. В свою очередь суд при рассмотрении уголовного дела по существу довольствуется доказательствами, сформированными следователем без соблюдения обязанности опровержения доводов защиты о невиновности лица (если они были заявлены), что приводит к неверной оценке обстоятельств, ошибочности

выводов, нарушению прав обвиняемого и принятию в конечном итоге неправосудных судебных решений.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в описательно-мотивировочной части приговора, исходя из положений п. 3, 4 ч. 1 ст. 305, п. 2 ст. 307 УПК РФ, надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого. При этом излагаются доказательства, на которых основаны выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводятся мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом. Пунктом 17 этого же документа определено, что при постановлении оправдательного приговора в его описательно-мотивировочной части анализируются доказательства, обосновывающие вывод суда о невиновности вывода суда⁴.

Конституционный Суд РФ обращает внимание, что не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются⁵.

⁴ О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2016 года № 55 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2025).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 20 окт. 2005 № 380-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хисамиева Айрата Ирековича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 380 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.03.2025).

Систематическое игнорирование доводов защиты на стадии следствия приводит к формированию односторонней доказательственной базы с обвинительным уклоном. Материалы уголовного дела, поступающие в суд, оказываются изначально сформированными без должного учета доказательств, которые могли бы свидетельствовать в пользу обвиняемого. На этапе судебного следствия возможности восполнения этих недостатков существенно ограничены как объективными факторами (утрата доказательственной информации), так и процессуальными ограничениями. Это неизбежно влечет нарушение права на справедливое судебное разбирательство, поскольку суд вынужден принимать решение на основе неполных и односторонних материалов.

Таким образом можно прийти к выводу о наличии парадоксального дисбаланса между судебной и досудебной стадиями в части ответственности за игнорирование позиции защиты. Если для суда неисследование оправдательных доказательств влечет вполне конкретные процессуальные последствия в виде отмены приговора вышестоящими инстанциями, то для органов предварительного расследования фактически отсутствуют эффективные механизмы ответственности за необоснованное отклонение ходатайств защиты. Ни ведомственный контроль руководителя следственного органа, ни ослабленный прокурорский надзор, ни ограниченный судебный контроль в порядке ст. 125 УПК РФ не обеспечивают действенного реагирования на подобные нарушения, что влечет за собой превалирование обвинительных доказательств и создает преференции для обвинения в суде.

Несоблюдение обязанности приводить в решении мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты су-

дом, игнорирование доводов, приводимых в защиту обвиняемого, может служить основанием для отмены приговора или иного итогового решения суда.

Так, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции отменил приговор (и последующее апелляционное постановление), которым участковый уполномоченный полиции осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, и прекратил уголовное дело в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления. Приговором суда работник полиции был признан виновным в том, приняв от несовершеннолетней девочки информацию об убийстве отцом ее матери, не передал незамедлительно информацию в дежурную часть ОМВД, а когда прибыл на место происшествия, не принял мер по проникновению в жилое помещение, в том числе путем взлома (разрушения) запирающих устройств.

Ввиду того, что время смерти потерпевшей ни в ходе расследования дела, ни в судебном заседании точно установлено не было, и осталось не ясным, была ли она жива до звонка участковому инспектору, кассационная инстанция пришла к заключению, что выводы суда первой инстанции о том, что преступная халатность обвиняемого привела к убийству потерпевшей и возможности сокрытия убийцей следов преступления, не основаны на материалах дела и противоречат исследованным доказательствам. При этом суд кассационной инстанции указал, что утверждение суда о том, что стороной защиты не представлены доказательства, подтверждающие смерть потерпевшей на момент звонка подсудимому, не соответствуют требованиям действующего законодательства, в том числе положениям ч. 2 ст. 14 УПК РФ, согласно кото-

рой обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения⁶.

По другому делу суд кассационной инстанции отменил приговор в отношении Б, осужденной по п.п. «а, б, в» ч. 3 ст. 163 УК РФ, п.п. «а, б» ч. 3 ст. 163 УК РФ, ч. 1 ст. 239 УК РФ, и последующее апелляционное определение в связи с тем, что, как усматривалось из протокола судебного заседания, при допросе сторонами подсудимой председательствующий на возражение защитника относительно заданного прокурором вопроса заявил: «... у нас есть обвинительное заключение, мы рассматриваем именно его, если Вы считаете, что она не виновная, то Вы должны это доказать и опровергнуть факты ее виновности...».

Суд кассационной инстанции, отметив, что суд не является органом уголовного преследования (ч. 3 ст. 15 УПК РФ) и бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, возлагается на сторону обвинения (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), пришёл к выводу о том, что суд первой инстанции нарушил основополагающие принципы уголовного судопроизводства, проявил явный обвинительный уклон, возложил бремя доказывания невиновности подсудимой на сторону защиты⁷.

Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции отменила постанов-

ление суда апелляционной инстанции по делу Щ., осужденного по ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, передав дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Удовлетворяя жалобу защитника, кассационная инстанция пришла к выводу, что, признавая несостоятельными доводы жалоб, суд апелляционной инстанции, ограничившись лишь цитированием норм уголовно-процессуального закона, указал на непредоставление авторами жалоб данных о недопустимости доказательств, незаконности осуждения и правильной квалификации действий осужденного, при этом не только не привел в апелляционном постановлении доводы рассматриваемых жалоб, но и мотивов в опровержение вышеприведенных доводов апелляционных жалоб, тем самым фактически оставил их без проверки. Согласно позиции кассационного суда, предписания уголовно-процессуального закона не предоставляют суду апелляционной инстанции возможность игнорировать или произвольно отклонять доводы жалобы, не приводя фактические и правовые мотивы отказа в удовлетворении заявленных требований, поскольку мотивировка решения суда, во всяком случае, должна основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, нашедших отражение в материалах дела и дополнительно представленных сторонами материалах, а также на нормах материального и процессуального права, — иначе не может быть обеспечено объективное и справедливое разрешение уголовного дела, и только в этом случае решение суда апелляционной инстанции может быть признано законным и обоснованным. Суд апелляционной инстанции не принял мер к проверке приведенных в жалобах доводов и мотивировал свои

⁶ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-4002/2023 от 28 нояб. 2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.08.2024).

⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1056/2024 от 20 марта 2024 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2025).

выводы о законности постановления суда первой инстанции в отношении осужденного на неконкретных и не достаточных с точки зрения принципа разумности основаниях⁸.

Анализ уголовно-процессуальных норм и практики рассмотрения уголовных дел показывает, что в отличие от судебного производства, в котором предусмотрены санкции за нарушение требований закона о рассмотрении и разрешении ходатайств участников уголовного судопроизводства, в частности защитника, в виде отмены или изменения судебного решения, вынесенного при наличии данного процессуального нарушения, на стадии предварительного расследования такие санкции фактически отсутствуют, а гарантии законности и обоснованности принятия решения по ходатайствам защитника в виде ведомственного контроля и прокурорского надзора явно не достаточно. В дальнейшем подобные нарушения могут привести к судебным ошибкам.

В заключение приходим к следующим выводам. Обоснованное ходатайство защитника, в основе которого приводятся важные доводы, имеющие значение для уголовного дела, являются важнейшим процессуальным средством защиты обвиняемого (подозреваемого) от предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения), использование которого согласуется с назначени-

ем, задачами и принципами уголовного судопроизводства.

В силу презумпции невиновности доводы стороны защиты должны тщательно проверяться следователем, дознавателем и судом в ходе производства по делу. При этом бремя опровержения доводов стороны защиты лежит на следователе и дознавателе, а в судебном заседании — на обвинителе (государственном или частном).

Отсутствие в предварительном расследовании действенных и достаточных гарантий проверки и опровержения доводов стороны защиты приводит к нарушению принципов обеспечения права обвиняемого на защиту, презумпции невиновности и др., и не создает необходимых условий для эффективного и справедливого осуществления правосудия. Обозначенная проблема требует поиска эффективных способов ее законодательного и организационно-правового решения. Для преодоления данной асимметрии необходимо комплексное реформирование системы контроля за деятельностью органов расследования, включая, расширение судебного контроля, закрепление правила о недопустимости доказательств, полученных без проверки обоснованных доводов защиты, и установление ведомственной ответственности за систематическое необоснованное отклонение ходатайств защиты. Только создание эффективной системы процессуальной ответственности следователя за игнорирование позиции защиты может обеспечить более справедливый баланс возможностей сторон в уголовном процессе.

⁸ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-97/2023 от 17 янв. 2023. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.03.2025).

Список использованной литературы

1. Насонова И.А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : дис... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Насонова. — Москва, 2011. — 501 с.
2. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения : дис... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.И. Капинус. — Москва, 2001. — 547 с.

3. Воскобитова Л.А. Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова. — EDN HQUKVZ // Lex Russica (Русский закон). — 2005. — Т. 64, № 1. — С. 97–117.
4. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. — Москва : Проспект, 2008. — 189 с.
5. Мурашкин И.Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности / И.Ю. Мурашкин. — EDN YURZYK // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2018. — № 1 (68). — С. 25–29.
6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В.А. Лазарева. — Москва : Юрайт, 2018. — 359 с.
7. Смирнов А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. — Москва : Норма, 2018. — 752 с.
8. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? / Л.А. Воскобитова. — EDN RYPNUP // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3(40). — С. 455–462.
9. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) : монография / С.А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. — Москва : Норма, 2021. — 296 с.
10. Смирнов А.В. О процессуальных гарантиях прав обвиняемого и подозреваемого при прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям / А.В. Смирнов. — DOI 10.37399/issn2072-909X.2024.11.76-85. — EDN DHBXJC // Российское правосудие. — 2024. — № 11. — С. 76–85.
11. Чеботарева И.Н. Процессуальное равенство сторон обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве / И.Н. Чеботарева. — DOI 10.17072/1995-4190-2023-61-499-520. — EDN DTLIGV // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 61. — С. 499–520.
12. Храмов С.А. Проблемы реализации принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства / С.А. Храмов, А.А. Лавров, О.В. Логачев. — EDN FGBQFD // Форум. — 2023. — № 1(30). — С. 245–250.

References

1. Nasonova I.A. *Theoretical Model of Criminal Procedure Defense*. Doct. Diss. Moscow, 2011. 501 p.
2. Kapinus N.I. *Procedural Guarantees of the Rights of a Person in the Use of Means of Restriction*. Doct. Diss. Moscow, 2001. 547 p.
3. Voskobitova L.A. Cognitive Activity of the Court in Criminal Proceedings. *Lex Russica*, 2005, vol. 64, no. 1, pp. 97–117. (In Russian). EDN: HQUKVZ.
4. Mikhailovskaya I.B. *Handbook of the Judge on Proving in Criminal Proceedings*. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 189 p.
5. Murashkin I.Yu. Prosecution as the Subject of Proving Innocence. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2018, no. 1, pp. 25–29. (In Russian). EDN: YURZYK.
6. Lazareva V.A. *Proving in Criminal Proceedings*. Moscow, Yurait Publ., 2018. 359 p.
7. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Criminal Process*. Moscow, Norma Publ., 2018. 752 p.
8. Voskobitova L.A. Accusation or the Accusatory Bias? *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 3, pp. 455–462. (In Russian). EDN: RYPNUP.
9. Solov'ev S.A.; Maslennikova L.N. (ed.). *Favoring the Defense (Favor Defensionis)*. Moscow, Norma Publ., 2021. 296 p.
10. Smirnov A.V. On Procedural Safeguards of the Rights of the Accused and Suspect in Termination of Criminal Prosecution on Non-Rehabilitating Grounds. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2024, no. 11, pp. 76–85. (In Russian). EDN: DHBXJC. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.11.76-85.
11. Chebotareva I.N. Procedural Equality of the Parties in Criminal Proceedings. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2023, no. 61, pp. 499–520. (In Russian). EDN: DTLIGV. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-61-499-520.

12. Khamov S.A., Lavrov A.A., Logachev O.V. Problems of Implementing the Adversarial Principle at the Stage of Pre-Trial Proceedings. *Forum*, 2023, no. 1, pp. 245–250. (In Russian). EDN: FGBQFD.

Информация об авторах

Харашкин Кирилл Александрович — адвокат Московской коллегии адвокатов «СЕД ЛЕКС»; член Адвокатской палаты г. Москвы; аспирант, кафедра уголовно-процессуального права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация.

Authors Information

Kharashkin, Kirill A. — Lawyer, Moscow Collegium of Advocates "SED LEX"; Member of the Moscow Bar Association; Ph.D. Student, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.03.2025

Принята к публикации / Accepted 19.09.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 16.10.2025